

ЗАЙЦЕВ СТАЛ СОБЛАЗНИТЕЛЕМ

Купанье. — 1996. — 24 сев. — С. 7.

И произошло это в период великой депрессии

Выйдя на белый подиум своего дома в белом сюртуке с белым, пышным узлом завязанным шарфом, Вячеслав Зайцев не скрыл черных мыслей по поводу будущего — своего в частности и модной индустрии страны в целом. Обозначив настроение в наступившем году как хреновое, Зайцев предупредил, что этот традиционный показ вполне может оказаться последним. Потому как удавка, затянутая на его шее госрэкетом, отнимающим в виде налогов 92 процента зарабатываемого нелегким трудом, грозит удушить первый Дом моды в стране, который носит имя своего основателя, оставив при этом Мастера в буквальном смысле без штанов.

Серьезность риска гибели модной индустрии, захлестнутой девятым валом турецко-китайского ширпотребя и уже вполне набирающей силу волной поставок по-настоящему качественной, но безумно дорогой одежды лучших домов мира, с одной стороны, ввергла Зайцева в великую депрессию. А с другой — необъяснимым образом позволила создать удивительную (и лучшую, на мой взгляд, из всех виденных за последние годы) коллекцию. Как уверяет Вячеслав Михайлович, идея ее родилась у него пять лет назад, когда ему впервые захотелось подарить женщине женщину. Открыть ей глаза на трепетность и силу, данные ей от природы, тщательно скрываемые и забытые, затоптанные прозой жизни. Но как ловко сам Зайцев скрывал от нас эту знакомую Музу — то уверяя, что мы предпочтем всем одеждам чепцы и турнюры (прямо как из восемнадцатого столетия!), то наряжая

своих героинь чумовой оргии... Право, мы уже почти поверили, что встретим новый век закованными в корсеты и беспомощно лоящими хвосты своих необъятных юбок в дверцах персональных карет

— какой же еще вид транспорта подошел бы к зайцевской женщине образца “Ностальгии” и “Воспоминания о будущем”?

Но — о радость! — художника посетила великая де-

прессия. Из тьмы которой и безысходности ее же родилась радость. Где метавшиеся в предыдущих (между прочим, совсем недавно, на ноябрьской Неделе высокой моды показанных последних вариациях) коллекциях манекенщицы — с их неприкаянным взором, с их пугающей агрессией завоевательниц, не уверенных в исходе битвы? Испарились, исчезли, их нет более. Только убежденные в своей неотразимости очаровательные кокетки. Только исключительные в своей значительности, твердо знающие себе цену мужчины, явление женщины рядом с собой воспринимающие как награду, как дар судьбы.

Если бы Коппола снимал “Крестного отца” сегодня, не было бы художника, наиболее точно отразившего в одежде его планы на картину, чем Зайцев. Если бы я была женщиной (подругой, любовницей, приятельницей) мужчины, заработавшего право на респектабельность и изящную простоту, то вылепила бы свой и его образ из этой зайцевской коллекции, предпочтя ее любой другой из виденных прежде. За то, что при несомненной современности — и по крою, и по тканям — художник сумел объединить мечту женщины о красивой одежде и мечту мужчины о необыкновенной женщине, совершив экскурс по истории одежды двадцатого века и скрупулезно отобрав все счастливые находки и удаchi. Вы не носили кринолинов? — Извольте! Вы вздыхали, что “нью лук” умер, когда вы еще не родились на свет? — Пожалуйста, наслаждайтесь! Вам не довелось поносить одежду а-ля Марлен Дитрих? — Это

же так восхитительно просто! Все эти чувства и есть то главное, что подарил Зайцев своей новой коллекцией — свободу соблазнять и соблазняться, свободу чувствовать себя красавицей и быть уверенной, что все вокруг думают так же. Он недаром выбрал для нее название “Соблазн” — пережив его сам как художник, он заставил нас алкать этих вещей...

И было скучно описывать любопытные, интересные и даже вполне новаторские изменения в силуэте, деталях, обрезке полы, лацкана, ворот-

ника, в пленяющей простоте жилета. Все это было и, без сомнения, отметится специалистами. Которые могут объяснить многое, кроме главного: неужели действительно так необходимо на нашей родной земле для явления чуда чувствовать, как из-под ног уходит почва? И тогда все получится ну просто замечательно. Соблазн такого объяснения велик, но верить в него, как и в то, что это была завершающая коллекция Зайцева, мне не хочется...

Ирина ВИКТОРОВА.
Фото Андрея СТРУНИНА.

